

ПРЕМЬЕРА КНИГИ «НЕ ВЕРЮ»
СОСТОИТСЯ В ТЕАТРЕ
«ШКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ» 22 МАЯ

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
16 мая 2002

7

Иосиф Райхельгауз – народный артист России, режиссер, художественный руководитель московского театра «Школа современной пьесы». 27 марта театру исполнилось тринадцать лет. За этот срок дом на Трубной площади, где некогда располагался Зимний Эрмитаж со знаменитым рестораном Оливье, занял свое особое место на карте театральной Москвы. Но прежде, чем стать одним из основателей нового театра, Иосиф Леонидович работал учеником электрогазосварщика на автобазе в Одессе, был актером одесского ТЮЗа, учился в ГИТИСе, работал в «Современнике», в Театре имени Станиславского и Театре на Таганке. В издательстве «Центрполиграф» только что вышла книга Иосифа Райхельгауза «Не верю». Это не столько изложение богатой театральной жизни, сколько живое, ироничное и искреннее повествование о людях, с которыми его свела судьба. Серьезные главы перемежаются забавными историями из жизни и театральными анекдотами.

– Иосиф Леонидович, вы – художественный руководитель «Школы современной пьесы», а в книге нет главы, посвященной истории создания этого театра. Почему?

– Потому что книга не окончена. Для того, чтобы о чем-то писать, должно пройти время, должна возникнуть некоторая отдаленность. Мне намного легче рассказывать о «Современнике», о Таганке. Притом, что герои моих воспоминаний живы, я их воспринимаю как людей другого времени, другого, «того» качества. Была «та» Таганка и «тот» «Современник»...

– В вашей книге много анекдотов и забавных историй, в частности, о Михаиле Андреевиче Глузском. Он работал в вашем театре и вы хорошо его знали. Не будет ли странным для читателей воспринимать его только как персонаж юмористических рассказов?

– Главное качество Глузского – то, что он до последних минут оставался абсолютно живым человеком. Для меня понятие «живой человек» определяется прежде всего отношением в себе. Я даже вывел формулу: в числителе должна быть самоирония, а в знаменателе реальное содержание человека. И чем больше самоирония, тем человек для меня мощнее и значительнее. Количество самоиронии определяет объем человека. Глузский больше всего шутил по поводу самого себя.

– Можно ли сказать, что люди, о которых вы пишете, сыграли в вашей биографии, в становлении вас как творческой личности значительную роль?

– Да, безусловно. Естественно, в разной степени. Галина Борисовна Волчек и Олег

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ:

ЧЕМ БОЛЬШЕ САМОИРОНИИ, ТЕМ ЧЕЛОВЕК МОЩНЕЕ

Павлович Табаков позвали меня студентом пятого курса ГИТИСа работать и ставить в «Современнике», дали мне общежитие и зарплату, в первые же дни я стал репетировать «Из записок Лопатина», «Погода на завтра» и «Эшелон». То есть я сразу окунулся в ежедневную жизнь большого театра. Конечно, если бы не они, я оказался бы в другом городе, в другом театре, в другой ситуации. Наверное, вся жизнь пошла бы по-другому.

Примерно так же я оцениваю эпизод, когда, отовсюду изгнанный, сидел без работы, и Юрий Петрович Любимов вернул меня в Москву, предложил ставить в своем театре.

Есть люди, которые буквально не поворачивали мою жизнь, не меняли биографию, и тем не менее, они очень много значат для меня. Например, Альберт Филозов. С 78-го года мы, практически не разлучаясь, работаем вместе. Я думаю, что его творческая индивидуальность, его талант и способ мышления оказали на меня колоссальное влияние. Так же как и многолетнее общение с людьми, не связанными с театром. С нашими политиками – Чубайсом, Шохиним, Гайдаром, Бурбулисом. Они режиссируют не просто некую видимую сюжетную историю, зафиксированную в пьесе, а судьбу государства, целого народа, поколения. Они не боятся брать на себя огромную ответственность, и интересно наблюдать, как они с этим справляются (или не справляются).

– В книге есть глава о том, как вы «режиссировали» президентское послание. Прежде чем решиться опубликовать такой материал, вы советовались с реальными персонажами этой истории?

– Я спросил, не принесу ли я этим вреда кому-либо.

– А есть ли сегодня некие сюжеты, которые вы пока не готовы рассказать?

– Да, конечно. Например, мне бы очень хотелось рассказать о подготовке предвыборной передачи Киселева, когда Чубайс и Явлинский встретились в прямом эфире. Там была грандиозная драматургия, все было расписано по минутам. Но прошло еще недостаточно времени.

– Может так случится, что герои книги будут сильно удивлены тем, как вы описываете ту или иную ситуацию. Вы этого не боитесь?

– Если бы боялся, не стал писать. Хотя я очень хорошо понимаю, что моему в прошлом приятелю Игорю Попову будет неприятно прочесть историю, как он заимствовал (чтобы не сказать жестче) декорацию у другого художника для спектакля, который уже много лет считается классикой советского театра. Наверное, не все будет приятно читать моему другу Анатолию Васильеву. Но ведь жанр книги предполагает изложение субъективного восприятия событий. Я, естественно, воспринимаю от себя. И когда о том же будет писать, например, Васильев – он будет писать о своем субъективном восприятии. Может быть, это поможет сохранить для истории русского театра объективную картину произошедшего.

Встречалась Зоя ТАРАСОВА